



**Речь Президента Федеративной Республики Германия
Йоахима Гаука в память о 75-летию массовых казней в
Бабьем Яру
29 сентября 2016 г.
в Киеве (Украина)**

Три года назад одной из наиболее престижных премий в области немецкоязычной литературы была удостоена молодая писательница Катя Петровская. Она выросла в Киеве, а сейчас живёт в Берлине. Она получила премию им. Ингеборг Бахманн за свой рассказ, описывающий, как её прабабушка собиралась в Бабий Яр и была застрелена немецким солдатом-оккупантом посреди улицы; сегодня исполняется 75 лет с того дня, как это случилось.

Женщина последовала приказу оккупационных властей, развешанному по всему Киеву: все евреи города должны были явиться в восемь часов на кладбища на окраине города, прихватив с собой документы, деньги и ценные вещи, а также тёплую одежду.

Германская комендатура города пригрозила в случае неповиновения смертной казнью. Но пожилую даму не насторожило ни это предупреждение, ни место сбора - на кладбищах! Она не ждала от немецких оккупантов ничего плохого - по крайней мере, ничего, угрожающего жизни.

Уникальность этого преступления, жертвой которого она стала, заключалась не в последнюю очередь в том, что почти никому в голову не приходили такие зверства и нарушения норм цивилизации, на которые готовы были пойти преступники.

В Бабьем Яру зондеркоманды, тайная полевая полиция и боевики «Ваффен СС» заставили своих жертв раздеться, сдать ценные вещи, побоями согнали их на край оврага и расстреляли - мужчин и женщин, детей и стариков, 33771 человека за два дня подряд.

Прабабушка Кати Петровской - одна из жертв, о которых мы сегодня скорбим. Рассказ её правнучки - это нечто особое, нечто

очень ценное. Спустя целые десятилетия после трагедии он возвращает одной из жертв лицо, имя и образ. Вместо цифры в статистике смертей возникает Эстер. Автор рассказа относится к ней бесконечно бережно. Петровская продельывает вместе с ней этот путь, не оставляя за скобками того, чем всё закончилось. Тем самым она растягивает время, которое остаётся у героини. И отсылает к чему-то, что уже невозможно расшифровать, о чём молчат строчки, к тому самому «может быть».

Мы, родившиеся позже, потомки, нуждаемся в этой силе воображения, поскольку нам, чтобы помнить и скорбеть, нужно больше, чем просто цифры и факты. Поскольку мы хотим по-настоящему, кто мы, откуда мы пришли и кто был до нас.

Литературные свидетельства, как мне кажется, как раз и создали предпосылку для того, чтобы мы сегодня чтим память жертв. Они заставили нас - вопреки всему, что этому препятствовало, - помнить Бабий Яр. И их авторы смогли сделать то, что зачастую до сих пор лишь с большим трудом удаётся историкам Германии, России и Украины: они открывают простор для общей памяти.

Всем тем, что мы сегодня знаем о Бабьем Яре, мы обязаны тем, кто преодолевал порочный круг нежелания знать, ретуширования, замалчивания, в конце концов. Преодолевал в разное время, в своей стране, каждый как мог и считал нужным. Одного из этих людей я хотел бы отметить особо: это Евгений Евтушенко, поскольку именно он в 1961 году нарушил табу, наложенное Советским Союзом на факт истребления своего еврейского населения.

Бабий Яр был уникальной обителью ужаса. До отступления Вермахта из Киева в декабре 1943 года этот овраг оставался лобным местом. Бабий Яр стал братской могилой не только для киевских евреев, но и для десятков тысяч советских военнопленных, душевнобольных, цыган и деятелей украинского национального сопротивления.

Все они стали жертвами жажды уничтожения, овладевшей нацистами, - жажды уничтожения, которую нельзя было утолить одними лишь убийствами, ведь даже сама память об убитых надлежало стереть. Когда Красная Армия в 1943 году подходила к Киеву, немцы приказали советским военнопленным выкопать трупы в Бабьем Яру, сжечь их и прах размолоть в пыль. Лишь отступление германских войск из Киева положило конец убийствам и их сокрытию.

Здесь в очередной раз вылезает на свет преступный характер тотальной войны на востоке Европы, в основе которой лежала расовая идеология. Опустошения, которые она оставила после себя

здесь, на земле Украины, были беспрецедентными. Немецкие оккупанты даже взяли себе в услужение украинских националистов в качестве полицаев. Здесь, как и в тех странах, которые сегодня являются соседями Украины, национал-социалистский режим с самого начала поставил перед собой цель не только покорить и оккупировать чужие государства, но и уничтожить целые группы населения.

Все мы говорим о неизмеримых страданиях, а конкретно мы - немцы - о невыразимом чувстве вины, стоя у края бездны Холокоста. Когда мы глядим туда, в эту бездну, земля уходит у нас из-под ног. Мы боимся, что бездна - как говорил Ницше - посмотрит в нас. Но ведь мы усвоили и не забудем, что размышлять как о вине немцев, так и об общей для нас истории невозможно, не заглядывая в эту бездну.

Этот взгляд - наш долг перед жертвами, но это и наш долг перед современностью, это долг перед нами самими. Можно засыпать этот овраг, как в Бабьем Яру попытались сделать в самом прямом смысле слова. Но память неизменно будет пробивать себе дорогу.

Открыть простор для этой памяти - это значит помнить людей, погибших здесь, не только потому, что они принадлежали к той или иной группе, религии или партии. Это значит помнить друзей и соседей, которыми они тоже были. Наша ответственность заключается в том, чтобы из сухой цифири в плане национал-социалистского режима по убийствам снова сделать людей, индивидуумов.

От того, насколько успешно нам это удастся, зависит то, насколько возможной станет общая память, в которой мы нуждаемся - крайне нуждаемся, - так как история, о которой мы здесь говорим, является общей. Люди, которых немцы убили в Бабьем Яру, были евреями, украинцами, русскими и поляками. Мы, желая понять, как же так случилось, что наши отцы и деды стали убийцами или жертвами, идём сегодня в одной связке. Ответ на наши вопросы мы найдём только вместе. Это призыв не к тому, чтобы размывать границы ответственности, а к тому, чтобы заниматься совместными исследованиями, невзирая на границы государств. Исследованиями, которые будут противопоставлены вошедшему в последнее время в моду искушению рассматривать истину лишь через призму нации.

В нашем знании о массовом уничтожении евреев Бабий Яр должен прочно утвердиться как место памяти. Мы воспринимаем Освенцим как символ убийств в лагерях смерти. Бабий Яр символизирует то, что предшествовало истреблению в промышленных масштабах: собственноручный расстрел тысяч и тысяч людей. А взгляд в бездну нашей собственной истории

подразумевает признание того факта, что не только спецподразделения, но и обычные солдаты Вермахта в значительной мере были соучастниками этого преступления. Слишком много времени прошло, прежде чем эта мысль утвердилась в Германии.

Оказаться наедине с собственной историей, отважиться взглянуть в лицо фактам, не самоустраняться от своей вины, от своего позора - это процесс, который охватывает не одно поколение. Он стал частью сути Германии и не закончен даже по прошествии столь многих лет после войны. Сознывая это, мы раз за разом протягиваем руку прошлым и нынешним беспомощным жертвам беззакония, нужды и репрессий. Именно в связи с этим мне представляется важным обратить свой взор в том числе и на сегодняшнюю Украину.

После окончания «холодной войны» украинцы напомнили нам о том, что у них есть собственное место в европейской истории. Они напомнили нам о том, что Украина сегодня и в будущем имеет право на своё место в семье народов - как суверенная нация в государстве, чью территориальную целостность следует уважать. Мы увидели, что украинцы умеют бороться - бороться за свободу, демократию и правовое государство - и тем самым являются частью нашей европейской системы ценностей. Мы многое узнали об Украине как нации и при этом многое - о нашей собственной роли и ответственности.

Возможно, «голодомор» с его бесчисленными жертвами врезался в коллективную память Вашего народа сильнее, чем преступление в Бабьем Яру, но меня, как Президента Германии, каждый раз на этом месте охватывают растерянность и глубокая скорбь, когда я думаю о преступлениях других немцев в другое время. Но здесь происходит и ещё кое-что: взгляд в прошлое становится мерилom для моего взгляда на то, что происходит сейчас. Склоняясь перед памятью всех жертв тех времён, я встаю на сторону людей, которые сегодня называют беззакония своими именами, помогают гонимым и неустанно выступают за права людей, которым отказывают в правах человека.